

Полторы минуты

Всё лето Марк считал, что жизнь ему испортил переезд. Сломал, если уж честно. Пока однажды утром не проснулся от невыносимого звона. Две-три секунды он лежал, не соображая, а потом в комнату влетела сестра:

– Сирена! Это сирена, Марк! Вставай!!! Быстро-быстро!

Марк слетел с дивана. Бросился за джинсами и с грохотом растянулся на полу. Схватился за колено. Будто молотком двинули! Кое-как поднялся, потянулся за вещами, но сестра вцепилась ему в руку и потащила к двери. Мама уже стояла в коридоре.

– Марк, мама, выходим!

По лестнице бежали соседи. Последними они втроем слетели вниз, и сестра втолкнула их с мамой в бомбоубежище, быстро закрыла дверь... и тут грохнуло! Будто тысяча дверей захлопнулись одновременно. Марк испугано вжал голову в плечи, мама охнула. Стало тихо. Что-то быстро и непонятно заговорили соседи.

Марк переводил взгляд с одного на другого. Люди были кто в чем. Соседка из квартиры напротив в халате, муж ее вообще в одних боксерах (тут Марк выдохнул: хоть он не один такой!). Все тыкали в телефоны и ругались, связи не было.

Наконец, вышли из убежища. Сестра чертыхнулась, глядя на экран, и потащила их домой.

– Что? Что такое?! – спрашивала мама.

– Война, похоже...

И на все вопросы посоветовала поскорее одеться... Тут завывало снова. Они кинулись назад. На этот раз гремело и бухало долго, и так, словно взрывалось прямо над домом. Вернувшись, они переоделись, собрали по небольшому рюкзаку (вода, одежда, документы, зарядка), а уж потом быстро и плотно позавтракали. И правильно – сирена завывала вновь, и еще, и еще. Марк потерял счет, сколько раз он хромал по лестнице за это утро. Возвращаясь, он читал все новости на русском, какие находил, и еще сестра им с мамой переводила с иврита. В целом получалось что-то чудовищное. Рано утром началась война, уже сотни убитых. Что теперь будет?

В перерывах между сиренами сестра звонила друзьям. Мама смотрела на неё почти с ужасом. Марк, наконец, понял, чего она боится. Сестра тут уже десять лет и в армии служила. Здесь все служат. Значит, и её могут позвать туда?

Спать легли в одежде. Перед сном Марк выглянул в окно. Темный силуэт пальмы приветливо качал ушами, рядом с ним два кипариса, как узкие ёлки тянулись к небу. И Марку вдруг стало жаль пропавшего дня. А какой был день! Летний, но не жаркий, с облачками на синем небе. Мало того, что выходной, так еще и последний день каникул. В такой день решаешь по-особому провести время. А вместо этого... Но были и плюсы. Школу отменили.

Каждый день они с мамой заедали сирены шоколадом и мороженым. Потом привыкли. Но потом Марк снова отвык, когда дохромал до соседней улицы. Он долго смотрел на воронку и обрушенный угол дома. Снял, выложил на странице, получил слезливые смайлики, добрые слова и остался странно равнодушен. Вместо ответов, он стал перебирать летние фотографии в телефоне, пока не дошел до той, где красное солнце тонуло в Средиземном море.

Её не было на том фото. Она стояла позади него и болтала с кем-то. Солнце опускалось прямо в волны, и он снимал, счастливый как дурак... Пляж был в соседнем городе, но Марк мотался туда по нескольку раз в неделю. В этом новом мире только здесь он чувствовал себя спокойно. Он часто приезжал с сестрой, еще чаще один и скоро уже знал в лицо всех, кого встречал постоянно. Её, конечно, запомнил. Невысокая, даже маленькая, кудрявая. Каждый четверг она была тут и со временем, встречаясь с ним глазами, начала чуть-чуть улыбаться.

Он был абсолютно, на сто процентов уверен, что она местная. Срочно налег на иврит, и вдруг однажды вечером услышал, как она разговаривает с какой-то теткой. Сперва он ушам своим не поверил. Сделал вид, что снимает закат, подошел поближе и да! Они говорили по-русски! Впервые после переезда он чувствовал себя счастливым. Целую минуту, а может и две. Он уже придумывал, как лучше познакомиться, когда услышал слово Харьков.

- Да, мы год назад оттуда уехали, - говорила она.

Украина. Марк бросил телефон на рюкзак и почти бегом вошел в воду. Поднырнул под волну: глаза защипало от соли, уши залило водой и это было хорошо, ничего не слышно. Год назад. Значит, они беженцы. Он долго плавал, а потом ушел, не оглядываясь. Что бы она сказала, узнай, откуда он? Может и ничего, общается же мама с соседкой оттуда. А может... И от слов, что он себе представлял, на душу падали горы.

Совсем не ходить на пляж он не смог... Теперь он ждал четверга, чтобы просто пройти рядом. Он молча кивал ей, она чуть приподнимала уголки рта, и они были почти знакомые люди. Потом он отходил подальше и смотрел, как она входит в воду. А потом началась война.

Сейчас фото показалось ему невозможно старым. Да неужели всего два месяца прошло? Зря он тогда не подошел. Ну, послала бы она его... А может, поговорили бы. Или хотя бы имя узнал.

Когда война кончится...Нет, это долго. Когда можно будет доехать до пляжа...

Но до пляжа пока было не добраться, побережье обстреливали день за днем, да еще нога... Хромал Марк уже не так, но одно дело сползти по лестнице, а другое – разгуливать по городу. Все сидели по домам. Сестра боялась лишней раз открывать свою страницу. Говорила, там сплошные лица убитых. Несколько раз Марк видел, как она каменела над экраном, только глаза становились огромными и бегали по строчкам. Значит, нашла кого-то из своих.

В этот раз она замерла за ноутбуком, а потом посмотрела на Марка с жалобной полуулыбкой:

- Марк? Помнишь, девчонку на пляже? Мы, когда вместе ездили, всегда её встречали?..

Его будто изнутри залили льдом. По спине поднялся холод, руки-ноги стали как бревна, не поднять. Очень медленно Марк кивнул и разлепил губы:

- Помню.

И также спокойно он пошел к сестре, чтобы увидеть самому. Семь шагов через всю комнату, от окна до стола. Раз, два, три. Прямой как палка, тяжелый, как статуя. Четыре, пять, шесть.

Семь. Всё.

Сестра повернула к нему ноут. Долгое мгновение Марк смотрел на знакомое лицо, а потом отвернулся и сунул кулак в рот. Чтоб не завопить, не запрыгать по комнате.

Господи! Не она! Да, он видел её не раз, но это была *не она!* Девчонка, сказала сестра, а эта - совсем взрослая! Ну конечно, сестре тридцать, ей все, кто младше - девчонки.

Потом пришло раскаяние. Знакомый человек погиб, ужасно... Вместе они прочитали некролог. Вспомнили, хотя что им было вспоминать?

Следующую неделю он перерывал интернет. Всё, что связано с тем городом и пляжем. Сайты школ, спортивные секции, пол женский, возраст 13-15, язык... Он хотел прочитать какой-нибудь пост, что она сидит дома, у них была сирена, но «мы ок». Просматривал сотни фотографий, пока однажды простая мысль не пришла ему в голову: с чего он взял, что она вообще из того города? Вдруг она, как и Марк, тоже приезжала?

В конце концов, он остановился. Если она в стране, то однажды придет на пляж, и тогда уж он не станет тормозить. А пока будет каждый четверг ездить на море.

Но прошел месяц, прежде чем он снова оказался на берегу. Сирены теперь выли реже, и школы уже работали по два дня в неделю. Пляж был закрыт, и Марк издали видел красную ленту, перечеркивающую берег. Раньше здесь всегда палило солнце в синем небе, а теперь всё затянуло тучами. И всё равно это был его пляж. Уже от одного вида волн ему становилось веселее, и он шагал мимо вышек, раздевалок, закрытых кафе, скамеек...

Её здесь не было. «Так и знал», - сказал себе Марк, хотя всю дорогу думал разное. То чувствовал, что встретит. То - наоборот.

Пора было возвращаться. Автобус ходил раз в час, а кто сейчас поручится, что он придет вовремя? Марк вздохнул, бросил в волны горсть песка и побрел назад, к остановке.

Там он её и встретил.

Она почти не изменилась, только волосы стали короче. У Марка, наоборот, отросли. Увидев его, она удивленно подняла брови и улыбнулась. А его просто затопило облегчением, и он шагнул к ней, как к знакомой:

- Привет. Ты как?

- Привет. Нормально вроде. Сегодня тихо.

Оба поглядели на небо. Уже вечернее, выдохшееся серо-голубое и действительно тихое.

– А ты как? – спросила она.

– Не очень, – неожиданно для себя сознался Марк, хотя сейчас всё было даже очень. – Война, сирены. Непривычно.

– Да-а, – протянула она. – А я вот уже второй год.

– Понятно, – просто сказал он.

И он уже собирался спросить, но вдруг со всех сторон завывало, заорало. Марк выхватил телефон (краем глаза успел заметить, как она делает то же). Увидел красным «Ракетный обстрел. Войдите в защищенное помещение». Время?! Полторы минуты! Полторы минуты добежать, прежде чем небо загремит...

– Куда?! Ты знаешь, куда бежать?

От остановки уже неслись люди. Прямо через дорогу, где останавливались машины. Двери распахивались, люди выскакивали и тоже бежали куда-то к домам впереди.

– Туда! – крикнула она. – Быстрее, это далеко!

Марк помчался рядом с ней на полной скорости. Тут же заболело уже ставшее здоровым колено, прямо взвыло. «Потом! – мысленно взмолился он. – Черт! Опять хромать буду! Вот не зря все пляжи закрыты, пока добежишь...»

А вокруг гудело. Она вдруг начала отставать. Побежала медленно, прихрамывая, и крикнула:

– Беги! беги! У меня нога больная, я в прошлый раз упала!

– Так я тоже! – заорал Марк. – В самый первый день! Знаешь, как свалился!..

Он заткнулся, потому что сирену было не переорать, и позволил себе наконец захромать. До распахнутой двери оставалось шагов тридцать, в неё уже вбегали последние. Полторы минуты истекали. Вдруг стало тихо. И в этой тишине они двое, каждый припадая на ногу, побежали последние метры.

И тут грохнуло! Да так, как он никогда не слышал. Марк не выдержал, схватил её за руку, она – его. Со следующим взрывом они втащили друг друга в убежище и захлопнули дверь.

Сквозь футболку он чувствовал холод бетонной стены. В голове прыгала тысяча мыслей: цел ли автобус, что там дома?.. И при этом где-то в глубине билась совсем крошечная, но радость. Потому что правила безопасности требуют после взрывов оставаться в убежище еще 10 минут. Ладно, десять, положим, никто не выдерживает. Но пять! Уж пять минут с ней у него будет.